

Ахмеджанова Адэль Жанаркызыadel_16031829@mail.ru

Студентка 4 курса кафедры тюркологии

Факультета международных отношений

ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – А.Б. Шалдарбекова

Ономастика - это совокупность собственных имен в языке. Система ономастики любой этнокультурной общности не является замкнутой, изначально данной или неизменной. Она претерпевает различные изменения под влиянием, прежде всего экстралингвистических факторов, происходит значительная, а иногда и полная смена ономастического материала. Для тюркского мира особый интерес представляют материалы ономастики древнетюркского периода, а именно, VII – XII вв. Именно к этому моменту сформировался окончательно основной ономастический пласт, в дальнейшем он претерпевал лишь незначительные изменения и продолжает функционировать в настоящее время.

В древнетюркской ономастической системе особое место занимает антропонимия — совокупность антропонимов, то есть имен собственных, даваемых человеку или группе людей. К антропонимам относятся личные имена, отчества (в тюркской культуре не распространены), фамилии (в образцах литературных произведений не распространены), мононимы (имеют широкое распространение в литературе), псевдонимы, крептонимы. Антропонимы наиболее широко раскрывают и позволяют понять и хронологически зафиксировать исторические события, так произошло с именами правителей хунну. Тюркологам-историкам языка хорошо известен факт о том, что расшифровка древнетюркской руники начиналась с прочтения антропонимов, зафиксированных в двуязычных китайско-тюркских памятниках [1, С. 26]. Имена всегда имели невероятно большое значение. «Имя рождалось как словесное отражение обычаев, нравов, религиозных ритуалов и их предметных атрибутов. Имя не только имеет функцию обозначения индивидов для удовлетворения практической необходимости общения в пределах определенных социумов, но и сложным образом отражает, фиксирует состояние их культуры [2]».

Антропонимы, в сравнении с другими именами собственными, несут значительную социальную функцию, определяют идентификацию личности. «Более того, для древнего общества было характерно также и достаточно четкое противопоставление круга людей, связанных между собой кровнородственными отношениями, другим аналогичным микроструктурам. Так, отдельные роды в племени имели определенные имена или группы имен, которые во всем племени могли принадлежать только им [3, С. 37]». Эту особенность можно проследить во многих образцах литературных произведений, если подробно рассмотреть антропонимы. Имя является некой стратегией, в результате которой человек идентифицирует себя в обществе. Также имя выступает в роли социолингвистического знака, отражающего исторический опыт, закономерность и тенденции развития в этнокультурных традициях социума. Все это фиксируется в произведениях, как устного народного творчества, так и отдельных известных авторов.

В современном мире социологи систематически проводят исследования подобного рода, ведут переписи и проводят статистический анализ с целью определения влияния различных экстралингвистических факторов, а именно их можно назвать решающими, на выбор имени. Эта информация служит для подробного изучения различных сфер жизни народа, одни формы сменяют другие, ряд имен используется значительно чаще прочих в разные периоды времени. Случается так, что одно имя имеет несколько дивергентных форм. Такие изменения происходят в результате переводов, переписи текста, особенностей того или иного тюркского языка. Необходимо упомянуть о том, что в ономастике у имени

различают основу и формант. У антропонимов соответственно можно выделить — антропоосновы и антропоформанты [4, С. 56]. Примером антропоформанта является широко известное *ай*, этот слог можно встретить как в мужских, так и в женских именах. Популярный антропоформант мужских имен — *бек*. Его нельзя путать со словом, используемым для того, чтобы подчеркнуть уважение.

«Мифологическому сознанию свойственно понимание имени как некоей внутренней (глубинной) сущности или же того, что вкладывается, налагается и 'этот архаический «реализм» предполагает, в конечном счете, тождество имени и формы, т.е. природы носителя данного имени [5]».

Таким образом, давая имя новорожденному, предполагается угадать в его характере будущие черты, а также, имя должно стать своеобразным напутствием или пожеланием. Для антропонимической системы тюркского мира характерна многоименность членов общества, распространена традиция получения нового имени при смене статуса и места в общественно-политической системе. Далее мы подробно рассмотрим антропонимы в «Книге моего деда Коркута», но интересную деталь повествования можно отметить уже на этом этапе написания нашей работы, после совершения первого подвига или значительного поступка, характеризующего героя повествования, народ или родители призывают Коркут-ата, чтобы он дал новое имя юноше. В некоторых случаях героя просто называют юношей, до момента пока ему не будет дано имя Коркут. Так же и в рунических памятниках часто можно встретить описание факта получения геройского имени — *erati* [6].

Этой теме касался Л.Н. Гумилев в своей работе «Древние тюрки», он предположил, что «тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей - чин, мужем - титул, а если это был хан, - то титул менялся согласно удельно-лестничной системе [7]». На сколько это утверждение верно, мы не можем сказать, так как высказывалась и иная позиция по этому вопросу другими крупными исследователями антропонимов в древнетюркском обществе.

В древнетюркской антропонимии исследователи выделяют несколько основных категорий:

1. *Личное имя*, даваемое при рождении или взрослому человеку, и служащее для идентификации личности в пределах определенных социумов. В памятниках древности имена почти не использовались, а вот в эпоху раннего средневековья в литературных и исторических произведениях авторы наоборот отдавали этому типу антропонимов предпочтение. Абсолютное большинство антропонимов в «Книге моего деда Коркута» - личные имена.

2. *Er ati* - «геройское имя» или «мужское имя». Его удостоивались лица, своим мужеством и смекалкой сыскавшие славу. Так, в «Книге деда моего Коркута» юноши, проявившие себя в критических ситуациях, продемонстрировавшие мудрость и отвагу получали новое имя или какое-либо дополнение к имени. Геройское имя соответственно имело большой вес, и его употребление выходило за рамки семейно-родовой общности.

3. *Родовое имя*. Употреблялось не всегда, но имело важное функциональное значение. Оно служило своеобразным кодификатором, определяющим отношение данного лица к определенному роду. В историческом разрезе это чрезвычайно важно, тюрки всегда особое внимание уделяли кровному наследованию власти, так же о человеке могли судить по его принадлежности к тому или иному роду.

4. *Династийное имя*. Такое имя было присуще только верховным правителям, возглавлявшим целые государства или государственные образования тюрков как в древности, так и в средние века. Например, широко известны династии караханидских правителей — Арслан-хан и Богра-хан.

Исследователи считают, что династийным именем можно назвать и составную часть имени целого ряда правителей — Бильге-каган.

5. *Персонифицированный титул.* Эта антропонимическая категория наиболее близка к категории геройского имени, но исключительно для особ, носящих титул. Она наиболее ёмко отражает самое значительное качество правителя. Эти антропонимы встречаются не слишком часто, не все правители или визири их имели. В произведении «Книга моего деда Коркута» однако можно встретить подобные образцы.

6. *Развернутые формы наименования.* В официальной сфере использовались по отношению к верховным правителям, и были своеобразным восхвалением, подчеркивали божественное происхождение кагана [8].

Прежде чем приступить к анализу антропонимов в произведении «Книга моего деда Коркута», приведем некоторые сведения об этой книге.

«Китаби дедем Коркуд ала лисани таифеи огузан» — «Книга моего деда Коркуда на языке племени огузов» - это героический эпос огузов. Эпос известен в основном по двум рукописям: Дрезденской, состоящей из 12 сказаний (героических дастанов), и Ватиканской, которая состоит из 6 сказаний. Полный перевод памятника на русский язык был осуществлён в 1922 году В. В. Бартольдом (опубликован в 1962). Самый первый перевод на немецкий язык одного из двенадцати сказаний был осуществлен в 1815 году немецким востоковедом Дицем (1751-1817). Перевод стал настоящей сенсацией, это было сказание о Тепегезе, циклопе, аналогичный персонаж описывался и в «Одиссее» Гомера. Сами огузы — это объединенные тюркоязычные племена, жившие в VI – VII вв. на Алтае и в Центральной Азии, а до X века — в Средней Азии и Поволжье. Затем они проникли в Закавказье и оседали там, либо велико кочевой образ жизни.

Анализ антропонимов следует начать с имени **Деде Коркут** или в некоторых вариантах эпоса **Коркыт-ата**. Коркыт - легендарный тюркский поэт-песенник и композитор IX века, выходец из степей вдоль реки Сырдарья. Создатель кобыза, акын, сказитель, покровитель поэтов и музыкантов. Имя претерпевает некоторые фонологические изменения в зависимости от рассказчика или рассматриваемого варианта эпоса — Коркут/Коркуд, Коркут/Коркыт. В данном случае мы имеем дело с мононимом. Дополнение к имени *ата* или *деде* указывает на преклонный возраст героя и на глубокое уважение, питаемое к нему народом. Так, если мы рассмотрим ранее описанные категории антропонимии, Коркут — это личное имя, в своей полной версии Деде Коркут — своеобразный персонифицированный титул. По одной из версий имя Коркыт происходит от тюркского слова *korku* (тур.), означающего «страх, испуг». Согласно легенде, исполнитель действительно с молодости не мог примириться со скоротечностью жизни, он очень боялся своей смерти, всюду видел ее предзнаменования. Был вынужден скитаться в поисках бессмертия, и обрел его только лишь в своих великолепных музыкальных произведениях.

Первое имя, с которым сталкивается читатель это имя **Баяндур-хана/Байындыр-хана**. Согласно сюжету он является верховным правителем, и его титул присоединяется к имени. В современном турецком языке слово *bayındır* означает «благоустроенный, процветающий». Никаких определенных указаний на происхождение этого имени у других исследователей обнаружить нам не удалось, но данный перевод представляется логичным. Так как государство огузов в период правления Байындыр-хана имело над головой мирное небо и довольный народ. Согласно категориям антропонимии, это личное имя, и хотя в ходе произведения автор не указывает этого, вероятно, геройское, так как хан является взрослым мужчиной, прошедшим немало сражений и он по праву восседает на своем троне. Дополнение к имени *хан* указывает на титул. Но так как и у других персонажей в имени существует подобное дополнение, то, говоря о Байындыр-хане, Деде Коркут называет его развернутое имя, подчеркивая, что он Правитель Правителей.

Дирсе-хан/Дерсе-хан — видный бек, посетивший церемонию и глубоко обиженный Байындыр-ханом. В данном случае у имени так же есть дополнение, обозначающее титул — *хан*. Он влиятельный, богатый человек, управляет значительной территорией и имеет большое поголовье скота.

Сына Дирсе-хана сначала называют просто юношей, у него будто и нет имени. Только когда он доказывает свою храбрость ему удается получить имя от Деде Коркута — **Бугач/Богач**, что означает «бык», в современном турецком языке по-прежнему функционирует слово *boğa*. Происхождение имени не вызывает сомнений, так как антропоним появляется после победы героя над разъяренным быком. Бугач — центральный герой первого сказания. Позднее к его имени так же присоединяется антропоформант — *хан*, знак его власти и выказываемого ему уважения. В Дрезденской рукописи указано развернутая форма именования — Бугач-хан сын Дирсе-хана.

Излечили ранения Бугача материнское молоко и сок горного цветка, по версии повести азербайджанского писателя Анара, мать Бугача зовут — **Айна Мелек**. Здесь можно обнаружить турецкое происхождение, слово *melek* означает «ангел», слово *ayna* - «зеркало», возможно, что мы столкнулись вновь с антропоформантом *ay* означающим «Луна». Интересно, что в ходе повествования автор сам раскрывает значение имени матери, когда беременной Айна Мелек советуют чаще смотреться в зеркало и глядеть на Луну, чтобы ребенок был светлым как месяц.

Существует и другое мнение относительно данной антропоосновы. По мнению известного исследователя имен Ближнего Востока и Средней Азии А.Гафурова, в составе женских имен данный компонент означает «красивая, красавица», а в составе мужских - «счастье» [8, С. 62].

Во втором сказании главными героями становятся Салор-Казан/Салур-Казан и Гараджа-чабан.

Салор-Казан/Салур-Казан — богатый правитель, имеющий большое поголовье скота. Его собственное имя — Казан. Так же его называют Казан-беем. В данном случае, *бей* — это знак уважения, и обращение к мужчине. А вот *Sulur* — это родовое имя. Важность его упоминания обусловлена ходом сюжета, так как разграбление дома Казан-бея означает урон всей семье.

Гараджа-чабан или Черный пастух — это одно из самых говорящих имен во всех сказаниях, очевидно, оно является геройским и персонифицированным, так как чабан — это разумеется не титул, а полное имя емко характеризует весь облик и свойства характера героя.

Третье сказание о Бамсы-Бейреке, сыне Кам-Буры-бека. Имя **Кам-Бура-бек** — личное, дополнение *бек* означает, что это был высокоуважаемый человек, мужчина. В современном турецком языке, есть слово заимствованное из арабского *kat* и означает оно - «цель».

Рассмотрим антропоним **Бамсы-Бейрек**, в данном случае имя является геройским, и получено оно было от самого Коркута. Изначальное личное имя — Бейрек, происходит от антропоосновы *бей*, которая ранее использовалась в значении лишь антропоформы. Бей означает «мужчина». С первой частью имени немного сложнее, определенного перевода нет, все ссылки указывают лишь на употребление этого имени в «Книге моего деда Коркута». В пересказе азербайджанского автора Анара, несколько переосмыслившего древнее произведение, Коркут-ата выбирает такое геройское имя для юноши, так как отец ласково называет его Бамсым. Таким образом, этимология данного антропонима до конца не выяснена, требуется более подробное изучение. Развернутое наименование — Бамсы-Бейрек, сын Кам-Буры-бека.

Банычичек/Банучичек — невеста Бамсы-Бейрека, обещанная с самого рождения. У огузских племен отношение к женщине и ее правам было особым, Банучичек выступает своеобразным символом женственности, верности и красоты. Её имя отражает эти качества в полной мере. Имя состоит из двух основ *Banı + çiçek*. Слово *Banı* имеет персидские корни и означает «женщина», а согласно контексту можно переводить как «супруга/жена правителя». Для девушки в тюркском обществе красота очень важна, мы можем проследить это по образцам тюркских древних памятников. Символом красоты является цветок, антропооснова *çiçek* как раз и переводится «цветок».

Еще один персонаж **Делю Карчар/Дели Карчар**. Личное имя звучит как Карчар, а вот дополнение к имени *Deli*, что переводится как «сумасшедший, умалишенный», было дано ему людьми, в сущности, это прозвище. И в ходе сюжета сказитель делает на это акцент, ведь действительно Дели Карчар совершает безумные поступки.

Рассмотрим еще один антропоним — **Тепегёз (Теменной глаз)**. Это мононим, используемый для обозначения циклопа. Само происхождение названий этих существ и «ареал их обитания», согласно историческим записям вызывает много вопросов. Ведь именно сказание о Тепегёзе перевел Диц в 1815 году, и оно вызвало множество споров.

Обратимся к древнегреческому путешественнику и историку Геродоту (V в до н.э.). После описания иссидонов — одного из многочисленных племен Центральной Азии — он сообщает: «... А выше его, по рассказам иссидонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото гриффоны. Со слов иссидонов повторяют это скифы, а от скифов знаем мы, почему и называем их по-скифски аримаспами. Словом *арима* скифы называют «один», а *спу* на их языке «глаз». Территория аримаспов, судя по древним источникам, находилась где-то между Восточным Уралом и Алтаем [9]. Таким образом, имя Тепегез возникло, позднее, так как сейчас мы уверенно можем сказать, это подчеркивается и в самом сказании, что данный антропоним состоит из двух антропооснов *Тепе/Депе* + *гөз*. Первая часть означает «темя, вершина», а второе «глаз». Оба эти слова существуют в современных тюркских языка, с некоторыми фонетическими изменениями, но в прежнем значении. Сам антропоним можно назвать персонифицированным, он полностью отражает наиболее характерную, отличающую данного персонажа от других, черту.

В произведении «Книга моего деда Коркута» используется огромное количество антропонимов, каждое имя является неслучайным и несет свой особый смысл, отражает наиболее значимые качества героев, как положительных, так и героев отрицательных. В некоторых случаях имя горит прежде действий его носителя, например, предательство и ложь **Ялынджыка** в одном из сказаний раскрывается не сразу, но антропоосновой является слово *yalan*, активно используемое в современных тюркских языках и означающее «ложь».

Антропонимы дают нам представление о месте действия и о том, кто же такие потомки этого народа. Ведь значения большинства имен можно расшифровать обратившись к словарем современных азербайджанского и турецкого языков. Имена дают нам представления о социальной, культурной и политической жизни народа. Категории антропонимии, которые мы указали и использовали в ходе анализа, перекрывают одна другую, используются параллельно для того, чтобы наиболее полно раскрыть возможности языка повествования и мудрость сказителей, составивших эти сказания. Они включают в себя разнообразные по функциональному значению антропонимические модели. [9, с.84] При выборе женских имен неоспоримое преимущество отдается словам, семантически связанным с понятием красоты и притягательности, также некоторые имена и сюжетные линии несут на себе религиозный след ислама.

Нужно отметить, что антропонимы в «Книге моего деда Коркута» нуждаются в тщательном изучении, этот вопрос остается открытым, и информация, которую можно получить путем дальнейших историко-лингвистических изысканий может оказаться бесценной для восполнения исторических пробелов. Кроме того, чем больше проходит времени, тем больше е количество слов устаревают и выходят из употребления в современных языках, а восстановить связь позднее гораздо сложнее, чем обнаружить ее.

Список использованных источников

1. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – Москва, 2002. - 757 с.
2. Митрошкина А.Э. Бурятская антропонимия. – Новосибирск: Наука, 1987. - 221 с.
3. Гаджихмедов Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имя наречения, происхождение, семантика и грамматика. – Махачкала: ООО Дагпресс Медиа, 2008. - 184 с.

4. Боранбаева Д.К. Статистические сведения об именных детях из казахских семей (на материале данных архивов ЗАГС г. Алматы за 1998 г.) // Вопросы антропоники. Выпуск 1. Сборник статей / ред. А.И. Назаров. - Алматы, 2003. - 84 с.
5. Мифы народов мира. А - К. М. Т. 1: Советская энциклопедия [Гос. словарно-энциклопедич. изд-во "Советская энциклопедия"], 1980. - 671 с.
6. Мори М. Бегю-каган и Поцзуй // Turcologica. - Москва, 1976. - С. 284-290
7. Гумилев Л.Н. Древние тюрки, - Москва, 1967. - 504 с.
8. Гафуров А. Имя и история. - Москва, 1987. - 215 с.
9. Анар. Книга моего деда Коркута. - Семей, 2004. - 152 с.

УДК811.512

ӨСІМДІК АТАУЫНА ҚАТЫСТЫ ЛЕКСИКАНЫ ЭТНОЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ТҮРҒЫДАН ЗЕРТТЕУДІҢ МАҢЫЗЫ

Бегімбетова Әсел Нұрмаханқызы

asel_miss_97@mail.ru

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
6М021200 – «Түркітану» мамандығының магистранты

Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Ғылыми жетекшісі – Ескеева М.К.

Қазіргі таңда тіл – адамдардың қатынас құралы ретінде ғана емес, халықтың өткен өмірінен, тұрмыс-тіршілігі мен мәдениетінен мол мағлұмат беретін ақпарат көзі ретінде де маңыздылығын танытып отыр. Тіл біліміндегі антропоэзектік зерттеу парадигмасының кеңінен таралуына байланысты лингвистиканың құрылымдық-деңгейлік салаларынан басқа пәнаралық зерттеулерге негізделген бірнеше бағыттар қалыптасты. Сондай бағыттардың бірі – этнолингвистика. «Қазақ тіл білімінде кейіннен қолға алынғанымен, маңызы зор сала болып табылатын – этнолингвистика. Бұл бағыт бұрыннан болмады деп айта алмаймыз, бір жүйеге түсуі ХХ ғасырдың орта тұсында жолға қойылды» [1].

Сөз байлығын этнолингвистикалық тұрғыдан зерттеудің жалпы тіл ғылымында екі ғасырдан асатын тарихы бар. Этнолингвистикалық зерттеулер ХІХ-ХХ ғасырлар аралығында Э. Сепир, Б. Уорф, Ф. Баос, В. Гумбольдт т.б. ғалымдардың Солтүстік және Орталық Американдық үндістердің тіл ерекшеліктерін қарастыруға бағытталған зерттеулерінің негізінде пайда болды. Этнолингвистиканың негізін салған ғалымдардың бірі – В. Гумбольдт (1767-1835) «Ява аралдарындағы киви тілдері» атты еңбегінің алғысөзінде этнолингвистикалық ұстанымдардың тиянақты концепциясын баяндап берді. ХVІІІ ғасырдың соңы мен ХІХ ғасырдың басында жасалынған И.Г. Гердер, М. Брэлл, Ж. Гримм еңбектерінен де этнолингвистикалық зерттеу әдістері мен нәтижелерін көруге болады. Жоғарыда есімдері аталған ғалымдардың идеяларын ХХ ғасырдың басында Э. Сепир бастаған ғалымдар одан әрі дамыта бастады. Дегенмен, этнолингвистиканың тіл ғылымының ішінде жеке сала ретінде қарастырылып, қалыптаса бастауы ХІХ ғасырдың 20-30 жылдарынан кейінгі кезең. Бұл уақытта англиялық Л.Р. Палмер, швециялық Ф. Де Соссюр, польшалық В. Маленовский, американдық Ф. Боас, Б. Уорф, т.б. ғалымдардың зор үлес қосуларының арқасында этнолингвистика дербес салаға айналды [2]. Л. Вайсгербер өзіне дейінгі идеяларды жалғастырып «Неміс тілінің күші туралы» (1950) атты төрт томдық еңбегінде неміс мәдениетінің ұлттық сипатын тіл арқылы, яғни сөз мазмұны негізінде зерттеді. Ресейде этнос тілі мен этностың күллі болмыс-бітімін, руханиятын сабақтастыра қарастыратын этнолингвистикалық зерттеулермен Н.И. Толстой, С.М. Толстая, В.В. Иванов, А.Ф. Журавлев, В.Н. Топоров т.б. ғалымдар айналысты.

Қазақ тіл біліміндегі этнолингвистика саласының қалыптасып, дамуы Ә. Қайдар, М.М. Копыленко, Е. Жанпейісов т.б. зерттеушілердің еңбектерімен байланысты. Қазақ